

УДК 903.27

Л.Б. Вишняцкий*Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, С.-Петербург, 191186, Россия
E-mail: paleo@lv8699.spb.edu*

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ВЗРЫВ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В интереснейшей статье Я.А. Шера [2004], предложенной редакцией для обсуждения, поднимается несколько глобальных проблем, связанных с изучением первобытного искусства. За каждой из них масса нерешенных вопросов и неисследованных или слабо исследованных тем. В своем отклике я ограничусь комментариями лишь к одному из разделов статьи, а именно “Происхождение искусства”. Он показался мне наиболее спорным или, во всяком случае, оставляющим наибольший простор для разночтений. Написан этот раздел, как и все другие, очень увлекательно, но основные его положения сформулированы, на мой взгляд, недостаточно четко. Сначала как будто речь идет исключительно о природных, психофизиологических факторах становления изобразительной деятельности. Этот процесс, таким образом, рассматривается (если я правильно понял) как прямое следствие развития мозга, т.е. биологической эволюции. Затем неожиданно следует вывод, что “изобразительная деятельность могла появиться только на стыке биологической и социальной эволюции” [Там же, с. 32], хотя до этого о роли социальных факторов и механизме их взаимодействия с факторами биологическими не говорилось ни слова. Подчеркну, я не оспариваю сам вывод, но в данном случае он носит чисто декларативный характер. Что же касается утверждения, будто “первичные стимулы к изобразительной деятельности находятся в сфере психофизиологической, т.е. природной” [Там же], то с ним вполне можно поспорить.

Мне более вероятным кажется, что биологические (нейрофизиологические) предпосылки изобразительной деятельности и знакового поведения вообще сформировались задолго до начала верхнего палеолита и что обладали ими далеко не только люди современного физического типа. Наиболее важный

вид знакового поведения – язык – был, по всей видимости, уже достаточно развит и у неандертальцев, и у некоторых видов еще более ранних гоминидов [Вишняцкий, 2002a]. Почему же в таком случае археологически уловимые следы символизма столь редки и, как правило, спорны в нижнем и среднем палеолите, и напротив, столь многочисленны и выразительны (по крайней мере, в отдельных регионах) в верхнепалеолитическое время? Есть три основных варианта ответа на этот вопрос.

По мнению ряда исследователей, наиболее древние следы символизма вообще и искусства в частности просто по тем или иным причинам не сохранились. Это могло произойти, например, потому, что долгое время изображения делались не на камне и кости, а на недолговечных материалах (шкурах, коре, дереве и т.д.) и если и пережили своих создателей, то ненадолго. Ни доказать, ни опровергнуть данное предположение практически невозможно (разве что будут найдены сохранившиеся в идеальных условиях деревянная скульптура или, скажем, рисунки на коре доверхнепалеолитического возраста), но в принципе оно выглядит вполне правдоподобно, и с ним следует считаться.

Согласно второй точке зрения, которую, очевидно, разделяет и Я.А. Шер, все дело в том, что биологические структуры, необходимые для создания и адекватного восприятия символов, сформировались лишь к началу верхнего палеолита. В качестве определяющего фактора при этом может рассматриваться, например, развитие лобных долей [Фролов, 1974а, с. 62] или функциональной асимметрии мозга [Шер, 1993, с. 15] либо объединение относительно автономных, слабо связанных между собой областей мышления в единую интегрированную систему. В последнем случае предполагается, что все психические

способности, необходимые для символизма, были в наличии уже в среднем палеолите, но существовали независимо одна от другой, в разных “когнитивных сферах” или “модулях”, и лишь в период, соответствующий переходу к верхнему палеолиту, между ними установилась прочная связь [Mithen, 1994, р. 35–36; 1996, р. 181–186]. Никаких прямых (т.е. палеоантропологических) данных, которые подтверждали бы, что необходимый для символизма биологический субстрат действительно сформировался не ранее 40 тыс. л.н., нет, и, по сути, рассматриваемое объяснение базируется только на убеждении его сторонников, что если бы такой субстрат был, то он непременно проявился бы в поведении и, соответственно, материальной культуре. Однако последнее вовсе не обязательно. Для истории культуры весьма типична ситуация, когда способность к какому-либо виду деятельности возникает намного раньше, чем реализуется, – это скорее правило, чем исключение [Вишняцкий, 2002б].

Наконец, третий вариант ответа – именно он и кажется мне наиболее правдоподобным – заключается в том, что потенциально предшественники людей верхнего палеолита были вполне способны и к изобразительной деятельности, и к другим видам символотворчества, но из-за отсутствия соответствующих общественных и индивидуальных запросов имевшиеся потенции оставались до поры до времени невостребованными. Более того, и в верхнепалеолитическое время ситуация во многих регионах в этом отношении практически не изменилась. В частности, в Восточной Азии или, например, Северной Африке никаких или почти никаких следов существования символизма не обнаружено не только в среднем палеолите, но и на памятниках, хронологически синхронных верхнему палеолиту Европы. Даже на Ближнем Востоке, обитатели которого в эту эпоху в иных отношениях ни в чем не уступали их европейским современникам, массовые свидетельства изобразительной деятельности появляются лишь в натуфийской культуре ок. 12 тыс. л.н. [Bar-Yosef, 1997]. В то же время на ряде памятников шатльперрона – верхнепалеолитической культуры, связываемой с неандертальцами, – обнаружены многочисленные и разнообразные украшения, вырезанные из кости и зубов животных и, безусловно, служившие в качестве визуальных символов [D’Errico et al., 1998].

Такого рода факты говорят о том, что наличие соответствующих нейрофизиологических предпосылок было только необходимым, но еще далеко не достаточным условием начала символотворчества. Если это так, то, значит, “стимулы к изобразительной деятельности” следует искать вне природной сферы. Можно предположить, что возникновение в разных регионах в разное время тех или иных форм симво-

лизма, и в т.ч. изобразительной деятельности, явилось не столько следствием биологических изменений, сколько ответом на появление потребности в новых способах хранения и передачи культурной информации – способах, которые позволили бы преодолеть естественный барьер памяти путем создания средств памяти искусственной, “внешней”. Необходимость же в этом возникала там и тогда, где и когда культура (характер адаптаций, способы жизнеобеспечения, внутри- и межгрупповые отношения, обрядовая практика и т.д.) в ходе приспособления к все усложняющейся среде обитания сама усложнялась настолько, что ее функционирование и, следовательно, существование человека и общества становились невозможными без усвоения, сохранения и использования огромного – на уровне индивидуальной психики неохватного – количества самых разных сведений об окружающем мире и о том, как его понимать и как в нем выжить. Именно такой процесс, вероятно, происходил в некоторых регионах в ходе “верхнепалеолитической революции”. Вследствие растущего демографического давления на природные ресурсы усиливалась конкуренция между человеческими сообществами, расширялся круг используемых людьми животных, растений, органических и неорганических материалов. В сферу хозяйственной активности во все большем объеме вовлекались такие их виды, добыча и обработка которых были сопряжены со значительными трудностями и требовали не только увеличивающихся затрат времени и энергии, но и специальных знаний. Усложнению систем и способов жизнеобеспечения должно было сопутствовать усложнение социальных отношений и обрядовой практики, что также вело к росту объема сведений, которые человеку приходилось держать в памяти и учитывать в своей деятельности. В итоге информационная нагрузка и на каждого индивида, и на каждое отдельное сообщество увеличилась настолько, что понадобились вспомогательные ее носители, в т.ч. долговечные, могущие аккумулировать и сохранить опыт и знания многих поколений. В силу неодинаковости природных условий и исторических обстоятельств освоения разных частей ойкумены “пороговое” – в смысле информационной емкости культуры – состояние было достигнуто где-то раньше, а где-то позже, и поэтому пространственная и хронологическая разорванность, “очаговость” палеолитического символизма представляет собой вполне закономерное явление.

В последнее время на этнографических и фольклорных материалах все активней изучается та роль, которую играют в адаптации первобытных обществ к естественной среде различные формы словесного творчества [Scalise Sugiyama, 2001]. Убедительно показано, что сказки, легенды, мифы, помимо того, что они удовлетворяют духовные потребности людей,

зачастую несут информацию, имеющую чисто утилитарное, прикладное значение. Выживание человеческих популяций в условиях периодических и часто непредсказуемых колебаний ресурсов во многом зависит от коллективной памяти о прошлых кризисных ситуациях и о возможных стратегиях приспособления к ним. Один из механизмов, используемых бесписьменными обществами для фиксации и увековечивания такого рода знаний, состоит во включении их в различные устные традиции. Четверть века назад Дж. Коув, проанализировав с этой точки зрения мифологию североамериканских кагуру и восточно-африканских тсимши, пришел к выводу, что «она является идеальным средством хранения и передачи знаний о способах выживания, и особенно таких знаний, нужда в которых возникает нечасто (лишь в исключительных кризисных ситуациях) и которые из-за редкого применения на практике могли бы быть утеряны» [Cove, 1978, p. 243]. Несколько позже аналогичное заключение было сделано Л. Минк на основании изучения фольклора эскимосов тареумиут и нунамиут, живущих на Аляске. В ее статье убедительно показано, как сказки и мифы могут выполнять роль источника информации о способах выживания в кризисных ситуациях и способствовать сохранению соответствующих традиций и моральных установок [Minc, 1986]. Наконец, недавно детальному изучению под аналогичным углом зрения была подвергнута мифология индейцев кламат и модок. Выяснилось, что более чем в 10 % их мифов говорится о голоде или угрозе голода и содержится информация о наиболее эффективных способах преодоления пищевых кризисов [Sobel, Bettles, 2000].

Более чем вероятно, что разные формы изобразительного символизма также имели не только эстетическое и идеологическое, но и прикладное значение, и именно с последним было во многом связано само их появление. В частности, рост плотности населения и, как следствие, увеличение важности межгрупповых границ, с одной стороны, и внутригрупповой сплоченности – с другой, могли повлечь за собой использование различных символов (нательных украшений, скульптуры, настенных рисунков и т.д.) для социальной идентификации и консолидации, обозначения территориальных рубежей, выражения прав пользования или групповой собственности. Они могли также служить для разрешения или профилактики конфликтных ситуаций в ходе специальных ритуалов. В этом случае изобразительные символы выступали как средство социальной коммуникации, имеющее адаптивное значение и ставшее необходимым вследствие экологически и демографически обусловленных изменений в способах жизнеобеспечения и структуре верхнепалеолитических сообществ [Barton, Clark, Cohen, 1994]. Есть также

основания думать, что одной из важнейших и древнейших функций изображений была мнемоническая. Как известно, в бесписьменных обществах запоминание может в значительной степени опираться на особые вспомогательные средства и приемы, например эпос или миф [Коул, Скрибнер, 1977, с. 56]. Достаточно убедительно аргументировано, что близкую роль – визуальных подсказок, облегчающих извлечение из памяти необходимых сведений, – могли выполнять и верхнепалеолитические изображения разных видов [Mithen, 1996, p. 196–197]. Кроме того, они могли использоваться для передачи информации от поколения к поколению, служить в качестве наглядных пособий при обучении [Mithen, 1988]. Предполагается также, что некоторые отдельные изображения или целые их комплексы представляют собой топографические знаки, а то и настоящие карты местности [Eastham M., Eastham A., 1991]. Наконец, для многих произведений палеолитической графики постулируются счетная или календарная функции, в них прямо видят «записи» каких-то важных событий, фиксацию смены сезонов, различных астрономических циклов и иных природных и общественных явлений [Фролов, 1974б; Marshack, 1991; D’Errico, 1995; D’Errico, Cacho, 1994].

Географическое распространение и хронология древнейших вещественных свидетельств символизма, будь то бусы и подвески, рисунки на стенах пещер, гравировки на костяных орудиях или вырезанные из бивня и камня фигурки животных, свидетельствуют о том, что генезис многих из подобных форм деятельности имел, скорее всего, полицентрический характер, т.е. совершался независимо в разных регионах. Не исключено, что и первоначальные функции этих видов деятельности также не совпадали. Тем не менее одной из главных причин появления в разных регионах в разное время тех или иных форм символизма могла быть именно необходимость выработки специальных вспомогательных способов хранения и передачи культурной информации. В дальнейшем в процессе исторического развития таких видов знакового поведения происходило расширение и изменение их функций: традиционные формы наполнялись постепенно новым содержанием, утрачивая при этом утилитарное значение и переходя в сферу духовной культуры.

Список литературы

- Вишняцкий Л.Б.** Происхождение языка: современное состояние проблемы // *Вопр. языкознания.* – 2002а. – № 2. – С. 48–63.
- Вишняцкий Л.Б.** О движущих силах развития культуры в преистории // *Восток (Oriens).* – 2002б. – № 2. – С. 19–39.

- Коул М., Скрибнер С.** Культура и мышление. – М.: Прогресс. – 1977. – 262 с.
- Фролов Б.А.** Неоантроп: искусство и психология творчества // Вопр. антропологии. – 1974а. – Вып. 46. – С. 52–65.
- Фролов Б.А.** Числа в графике палеолита. – Новосибирск: Наука. – 1974б. – 239 с.
- Шер Я.А.** Природные истоки происхождения изобразительной деятельности // Историческое познание: традиции и новации. – Ижевск: [Б.и.], 1993. – Ч.1. – С. 13–15.
- Шер Я.А.** Спорные вопросы изучения первобытного искусства // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 2 (18). – С. 36–52.
- Barton C.M., Clark G.A., Cohen A.E.** Art as information: explaining Upper Palaeolithic art in Western Europe // World Archaeology. – 1994. – Vol. 26. – P. 185–207.
- Bar-Yosef O.** Symbolic expressions in later prehistory of the Levant: Why are they so few? // Beyond Art: Pleistocene Image and Symbol. – San Francisco: California Academy of Sciences, 1997. – P. 161–187.
- Cove J.J.** Survival or extinction: Reflections on the problem of famine in Tsimshian and Kaguru mythology // Extinction and survival in human populations. – N. Y.: Columbia University Press, 1978. – P. 231–244.
- D'Errico F.** A new model and its implications for the origin of writing: the La Marche antler revisited // Cambridge Archaeological J. – 1995. – Vol. 5. – P. 163–206.
- D'Errico F., Cacho C.** Notation versus decoration in the Upper Palaeolithic: a case study from Tossal de la Roca, Alicante, Spain // J. of Archaeological Science. – 1994. – Vol. 21. – P. 185–200.
- D'Errico F., Zilhao J., Julien M., Baffier D., Pelegrin J.** Neanderthal acculturation in Western Europe? A critical review of the evidence and its interpretation // Current Anthropology. – 1998. – Vol. 39, Suppl. 1. – P. 1–44.
- Eastham M., Eastham A.** Palaeolithic parietal art and its topographical context // Proceedings of the Prehistoric Society. – 1991. – Vol. 57. – P. 115–128.
- Marshack A.** The Tăi plaque and calendrical notation in the Upper Palaeolithic // Cambridge Archaeological J. – 1991. – Vol. 1. – P. 25–61.
- Minc L.D.** Scarcity and survival: The role of oral tradition in mediating subsistence crisis // J. of Anthropological Archaeology. – 1986. – Vol. 5. – P. 39–113.
- Mithen S.J.** Looking and learning: Upper Palaeolithic art and information gathering // World Archaeology. – 1988. – Vol. 19. – P. 297–327.
- Mithen S.J.** From domain specific to generalized intelligence: a cognitive interpretation of the Middle/Upper Palaeolithic transition // The Ancient Mind: Elements of Cognitive Archaeology. – Cambridge: Cambridge University Press. – 1994. – P. 29–39.
- Mithen S.** The Prehistory of the Mind. – L.: Thames and Hudson. – 1996. – 357 p.
- Scalise Sugiyama M.** Food, foragers, and folklore: the role of narrative in human subsistence // Evolution and Human Behavior. – 2001. – Vol. 22. – P. 221–240.
- Sobel E., Bettles G.** Winter hunger, winter myths: subsistence risk and mythology among the Klamath and Modoc // J. of Anthropological Archaeology. – 2000. – Vol. 19. – P. 276–316.

Материал поступил в редколлегию 16.04.04 г.